

Игумен Дамаскин (Орловский), Критерии и порядок канонизации святых в Русской Православной Церкви

В этом докладе предполагается раскрыть критерии и порядок канонизации в Русской Церкви, какими нормативными документами пользовалась Русская Церковь для принятия решений о канонизации святых, а также, какими критериями руководствовалась Русская Церковь при канонизации мучеников в предшествующий 1917 г. период.

Из тех, кого Церковь прославляла в лике святых, назовем три больших группы. Это – *мученики*, т.е. пострадавшие и принявшие мученическую смерть за Христа, притом, что достаточно и достоверно известно об обстоятельствах их мученической кончины. Они причислялись к лику святых в силу самого факта исповеднического подвига и мученической кончины. Во-вторых, это *исповедники*, то есть те, кто умер спустя некоторое время после перенесенных страданий. Их жизнь требовала дополнительных исследований, так как бывали случаи, когда претерпевшие страдания вели впоследствии жизнь предосудительную, но если она была достойна христианина, они прославлялись Церковью как исповедники^[1]. И, в-третьих, это *подвижники благочестия*, основанием для канонизации которых являлась их праведная жизнь и чудеса, как сверхъестественное свидетельство о них Бога, не зависимое от субъективных человеческих суждений.

Канонизация подвижника благочестия в Русской Православной Церкви совершалась или к общецерковному почитанию, или к местному – в пределах одной или нескольких епархий. Однако, критерии причтения подвижников благочестия к лику святых в обоих случаях оставались одними и теми же.

Канонизация святых в Русской Православной Церкви делится на несколько периодов: от начала христианства в России, – первых канонизаций, – до Макариевских Соборов 1547 и 1549 гг., период Макариевских Соборов и от Макариевских Соборов до учреждения Святейшего Синода в 1721 г., от времени учреждения Святейшего Синода до падения абсолютистской монархии и последних канонизаций, совершенных в 1918 г. на Священном Соборе Православной Российской Церкви и период канонизаций, совершающихся до настоящего времени.

От первых канонизаций до Макариевских Соборов включительно, период, охватывающий более 500 лет, было канонизовано – (по Голубинскому) – 61^[2], (по архиепископу Сергию (Спасскому)) – 72^[3] подвижника благочестия^[a]; (по Васильеву) Русской Православной Церковью до несколько более позднего периода, до XVIII в., было канонизовано 102^[4] подвижника благочестия. Всего от первых канонизаций в России по 1902 г. было канонизовано – 382^[5] подвижника благочестия, почитаемых общецерковно и местно, т.е. только в отдельных епархиях.

Распространено мнение, что Синодальный период был особенно неблагоприятен для канонизаций, но это верно лишь отчасти. В отношении принципиальных позиций, критериев канонизации, исследователи не находят существенных отличий этих канонизаций от канонизаций предшествующего периода^[6]. И можно предположить, что за критикой того, как проходили канонизации в Синодальный период, скрывается лишь общее недовольство этим периодом, имеющее свои основания в иной плоскости, в частности, пагубной зависимостью Церкви от государства. В доказательство недостатков в области

канонизации святых приводят то, что период между кончиной подвижника и его прославлением был более или менее значительным: у святителя Димитрия Ростовского – 48 лет, у преподобного Серафима Саровского – 70 лет, у святителей Иоасафа Белгородского – 157 лет, Птириима Тамбовского – 217 лет. Однако это недовольство подходом к канонизациям, осуществлявшимся в Синодальный период, и аргументирование этого недовольства длительным периодом между смертью подвижника и его канонизацией нельзя признать вполне состоятельным. И в древности проходил иногда достаточно длительный период, прежде чем совершался акт канонизации. Например, канонизация равноапостольного великого князя Владимира состоялась спустя 225 лет после его кончины, несмотря на его бесспорные заслуги перед Церковью и народом. По существу в канонизациях Синодального периода стали применяться более строго и четко существовавшие в Русской Церкви критерии канонизации, но сами критерии оставались теми же, что и в предшествующие столетия.

В XIX столетии Русская Православная Церковь столкнулась с куда более серьезной угрозой для целостности и чистоты своего церковного предания, нежели проблемы временного разрыва между принятием Святейшим Синодом решения о канонизации подвижника и временем его кончины. Куда большим злом явились псевдоканонизации, совершенные писателями, публиковавшими жития неканонизованных подвижников благочестия, как канонизованных святых. Это злоупотребление проявилось уже в первой половине XIX столетия; против него энергично выступил митрополит Московский Филарет (Дроздов), писавший одному из высокопоставленных чиновников Святейшего Синода А.Н. Муравьеву 26 декабря 1835 г., что «архимандрит Соловецкий канонизует святых»^[7], имея в виду, «что архимандрит Соловецкий Досифей в своем описании Соловецкого монастыря, представленном в цензуру, самовольно назвал святыми некоторых усопших Соловецких иноков»^[8].

Наиболее емко и четко эту проблему описал архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей (Спаский). «В литературе о русских святых доселе обращал на себя внимание знающих людей большой недостаток, – писал он. – Святые, чтимые молебнами и торжественными литургиями, не отличались <...> писателями от тех усопших, которые по богоугодной жизни <...> считаются за угодников Божиих, но по которым поются панихиды и заупокойные литургии или даже ничего не поется. Наибольшее влияние на писателей о русских святых имел <...> Филарет, архиепископ Черниговский, свою книгу: “Русские святые, чтимые всей Церковью или местно” (издания 1861–1865 годов). Но в эту книгу внесено им до 85 таких усопших, которые не канонизованы и чтутся панихидами и заупокойными литургиями или по которым ничего не поется^[b]. <...> Его книге, по доверию и по невозможности проверить ее, стали следовать и другие писатели. Стали вносить имена неканонизованных даже в календари и месяцесловы <...>. Последующие писатели стали еще более наполнять свои пространные сочинения о русских святых именами считавшихся за святых из разных рукописных старинных святцев, из исторических памятников литературы и особенно из “Книги глаголемой: Описание о российских святых”, в которой помещены такие, время кончины коих и место погребения неизвестны и которые давно совершенно забыты христианами даже тех местностей, в которых жили, а в последнее время писатели стали помещать в своих произведениях чтимых усопших даже XIX века^[c] и почти современных нам»^[9].

Другой вопрос, столь же серьезный, вставал в свое время с точным установлением того, канонизован ли тот или иной подвижник для местнотимого почитания или нет. Если общецерковно чтимом святом, на канонизацию которого в период с XVIII до начала XX столетия давалось благословение Святейшего Синода, своевременно извещались епархиальные архиереи, то канонизация местнотимого святого, совершенная

епархиальным архиереем по благословению Святейшего Синода, могла остаться, по мнению епископа Афанасия (Сахарова), и не известной, что могло привести к тому, что одному и тому же святому в одной епархии Русской Церкви служились молебны, а в другой – панихиды. Такое положение становилось все более чревато пагубными последствиями, разрешить эту проблему могла только высшая церковная власть, какой являлся в то время Святейший Синод.

Инициатором этого важнейшего церковного дела стал общепризнанный глава русских агиологов, архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей (Спасский)[\[d\]](#), более тридцати пяти лет занимавшийся агиологией и оставивший труды, научное значение которых остается актуально для Русской Церкви до настоящего времени[\[10\]](#).

Существенным для понимания актуальности и важности вопроса является ознакомление с мотивацией архиепископа Сергея, которую он изложил в письме Святейшему Синоду 27 июня 1901 г. «После многолетних занятий восточною и в частности русскою Агиологиею, – писал архиепископ, – считаю долгом представить благовниманию Святейшего Синода относительно русских святых следующее.

Известны две книги, которыми руководятся пишущие о русских святых, это Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, первое издание которого в 1836 году приписывается князю Эрстову, второе издание его, исправленное и дополненное, сделано в 1862 году. Другое капитальное сочинение о святых, это Русские святые, чтимые всею Церковью или местно, архиепископа Филарета Черниговского. Оно издано в 1861–1865 годах. В обоих сочинениях есть <...> неканонизованные <...>. Видно, что сами авторы, пользуясь рукописными святцами и другими источниками, <...> не знали, что по этим святым поются панихиды, а последующие писатели всех святых, приведенных в этих двух сочинениях, признают за канонизованных, и они вносятся даже в календари Гатцука, Ступина и других, а потому неведущими священниками им могут совершаться молебны, тогда как на месте упокоения им поются панихиды или даже ничего не поется.

По епархиям Российской Империи разослан указ о том, чтобы священники давали имена крещаемым по Месяцеслову всех святых, празднуемых Православной Восточной Церковью, изданному в последнее время в 1891 году и разосланному по всем церквям Империи. Я, как просматривавший этот Месяцеслов, по поручению Святейшего Синода, и редактировавший самое издание его, следил во Владимирской епархии: насколько исполняется этот указ. Оказалось, что молодые священники его уже не знают, и самих означенных месяцесловов в некоторых церквях не имеется, а они затеряны, а другие не внесены в опись церковного имущества, в новооткрываемые же приходы не выписываются. <...>

Число <...> неканонизованных, вносимых в календари из вышеозначенных книг, должно быть немало. <...>

Профессор Голубинский, издавший книжку о канонизации русских святых, нашел невозможным в настоящее время частному лицу составить полный и верный список русских святых без официального посредства церковной власти. <...> С таким заявлением профессора нельзя не согласиться, а между тем настоят надобность принять меры к отличению местно чтимых святых молебнами от чтимых панихидами. В последнее время стали являться сочинения о русских святых без различения их, в них вносятся многие и такие <...>, которым и панихид не совершалось и не совершается, и памяти об них в местах их жизни и погребения в народе никакой не существует, а они вносятся в

сочинения о святых из древних рукописных святцев, особенно же из книги глаголемой: описание о российских святых XVII–XVIII века и из разных исторических памятников. Из таких сочинений известностью пользуются три: <...> Источники Русской Агиографии Николая Барсукова 1882 года. <...> Святая Русь архимандрита Леонида 1891 года. <...> Сочинение преосвященного Димитрия, архиепископа Тверского: Месяцеслов святых всею Русскою Церковью или местно чтимых <...>. И у него нет точного разграничения святых местно чтимых молебнами от чтимых панихидами и даже панихидами не чтимых. <...>

Итак, настает надобность точного определения святых чтимых молебнами, а не панихидами, посредством собрания о том сведений от епархиальных преосвященных по распоряжению Святейшего Синода, то есть, предложить епархиальным преосвященным доставить списки святых той или другой епархии, чтимых торжественными литургиями и молебнами, а не заупокойными литургиями и панихидами, тогда определятся и те, которые внесены писателями в сочинения наравне со святыми. <...>

Этим бы прекратилась возможность возведения неканонизованных святых в канонизованные местными настоятелями монастырей и церквей, на основании того, что <...> пишутся святыми <...> в календарях без различения от канонизованных. <...>

Обнародование списка святых, коим поются молебны, а не панихиды, вывело бы писателей о святых на верный путь, и особенно полезно было бы для цензоров. <...> Могут они требовать и от писателей полных сочинений о святых, чтобы о святых, по коим поются панихиды, писали, что <...> они неканонизованы, что отчасти и делал архимандрит Леонид, но многих неканонизованных не написал по неведению, что они неканонизованы, и других ввел в заблуждение. Надобно остановить произвольную канонизацию святых, делаемую писателями <...> по неведению, особенно же обратить внимание на составление календарей, имеющих широкое распространение в народе...»[\[11\]](#)

Указом от 10 августа 1901 г. Святейший Синод распорядился, чтобы все правящие архиереи Русской Церкви предоставили списки всех местночтимых святых, канонизованных во вверенных им епархиях, которые и были присланы, и таким образом было высказано по этому вопросу суждение всего епископата Русской Православной Церкви.

Насколько важным считал архиепископ Сергей установление точного списка имен русских святых, свидетельствует его письмо управляющему Синодальной канцелярией Сергею Васильевичу Керскому, написанное спустя год после указа Святейшего Синода и призванное ускорить получение ответов из епархий.

«Всепокорнейшее прошу обратить Ваше внимание, – писал он, – на это важное дело. С великим трудом производится канонизация новых святых, например, Феодосия Углицкого и Серафима Саровского, и русские писатели о святых производят, по своему усмотрению, неканонизованных святых в канонизованные в своих сочинениях десятками, и сам Святейший Синод не имеет полных и точных сведений о русских святых, которые торжественно чествуются по епархиям.

Очень хотелось бы мне дожить до окончания этого дела, но отчаиваюсь. Если Вы не обратите внимание на это дело, то оно или очень затянется или совсем погибнет. Наука о русских святых без исполнения этого дела была и будет недостаточна»[\[12\]](#).

Многие ученые, писавшие о русских святых и занимавшиеся изучением памятников агиографии, зачастую, вполне удовлетворяясь собственным субъективным взглядом на

отличия канонизованных святых от подвижников благочестия, не доходили до необходимости осознания ответа на главный вопрос – кто же в Русской Церкви в действительности канонизован, а кого считает святым тот или иной писатель на основании индивидуальных воззрений. Однако, некоторые ученые, кто исследованиями был наиболее подготовлен к восприятию проблем агиографии, уже в то время стали все настоятельней говорить о необычайной важности решения этого вопроса, который мог быть разрешен, исходя из существовавших в Русской Церкви критериев канонизации подвижников благочестия, «при существовании полного Месяцеслова всех Русских святых, изданного от Святейшего Синода»[\[13\]](#).

Архиепископ Сергей (Спасский) как крупнейший ученый агиолог[\[14\]](#) хорошо осознавал, к чему могут привести затягивание или ошибки в решении этого вопроса. После того, как были получены все сведения из епархий и встала необходимость передать список в типографию, архиепископ Сергей писал о Месяцеслове: «Он составлен со всевозможным вниманием. Обращено особенное внимание на то, чтобы не опустить кого-либо из канонизованных святых или не внести кого-либо [не]канонизованных.

<...> У меня теперь нет желаний на земле, остается только одно желание – видеть это важное дело конченным при моей жизни. Мне желательно просматривать и последнюю корректуру его. Много может потерять издание, если оно будет совершаться без контроля автора. А это дело настолько важно, что оно должно составить эпоху в русской Агиологии и будет одним из памятных дел Святейшего Синода.

Ускорение дела о Верном Месяцеслове всех русских святых было бы для меня наградой и утешением, а замедление – крушением духа, наиболее тягостным при моих немощах и преклонных летах. Рука моя срослась с Агиологиею, которой занимаюсь 35 лет, и это дело – венец моих трудов по Агиологии»[\[15\]](#).

Такое восприятие было характерно для настоящего ученого и христианского подвижника, который мог ни во что поставить свою выдающуюся ученость и труды ради практического решения вопроса, имеющего исключительное значение для Русской Церкви. В его глазах семьдесят страниц «Верного Месяцеслова» значили куда больше, чем тысячи страниц опубликованных им ранее научных изысканий.

На основании присланных из всех епархий сведений был составлен «Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно».

Определением Святейшего Синода от 26–27 марта 1903 г. поручалось «Московской Синодальной типографии напечатать <...> в количестве 50-ти тысяч экземпляров “Верный Месяцеслов всех Русских святых” с указателем <...> по отпечатании этой книги потребное количество экземпляров <...> разослать в распоряжение Епархиальных Начальств для снабжения ими всех православных церквей империи»[\[16\]](#).

К Месяцеслову прилагался одобренный Святейшим Синодом доклад архиепископа Сергия (Спасского), в котором, в частности, определялось:

«<...> 2. Изданный “Верный Месяцеслов всех Русских святых” возлагает обязанность и на духовную цензуру не допускать, чтобы в календари и народные месяцесловы вносились имена неканонизованных русских чтимых усопших, не находящихся в означенном Месяцеслове; прежде извиняло их в этом деле неведение, а теперь ясно показаны границы между канонизованными святыми и неканонизованными.

3. И на издателей больших сочинений о святых, которые составляются с научной целью и наполняются именами и неканонизованных подвижников, возлагается отныне обязанность отличать ясно канонизованных от неканонизованных, за чем следить также лежит на обязанности и цензуры»[17].

В настоящее время мы можем сказать с определенностью: не совершись в свое время это важнейшее для Русской Церкви дело, мы бы уже никогда не смогли определить, кто из подвижников в Русской Церкви является канонизованным святым и кто нет: святые для сознания верующих попросту бы потерялись среди имен подвижников, запечатленных в разного рода литературных сочинениях и трудах ученых.

В 1904 г. Святейший Синод внес в Месяцеслов последние коррективы, распорядившись служить трем подвижникам не молебны, а панихиды.

Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. снова вернулся к вопросу о полноте и точности Месяцеслова Русской Церкви. На 35 заседании Отдела о богослужении, проповедничестве и храме[e], состоявшемся 9 апреля 1918 г., иеромонах Афанасий (Сахаров), впоследствии епископ Ковровский, сообщил о всех тех несообразностях, которые продолжают спустя 15 лет после издания «Верного Месяцеслова», и отметил, что Месяцеслов, хотя и есть в каждом храме, но лежит на полках церковных библиотек, что частные издатели и издатели Издательского Совета при Святейшем Синоде игнорируют решения Синода, опуская памяти канонизованных святых и внося памяти тех, кто не был прославлен Русской Церковью, что «даже в книгу, предназначенную для богослужебного употребления <...> “Молитвы Господу Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам Божиим, чтимые на молебнах и иных последованиях”, изданную по благословию Святейшего Правительствующего Синода (Петроград, 1915 г.) внесены молитвы неканонизованным святым»[18]. Иеромонах Афанасий поставил перед членами Отдела задачу – тщательно проверить и исправить «Верный Месяцеслов», который, как он не вполне точно выразился, «не может быть назван верным»[19]. В доказательство он привел имеющиеся в нем неточности. Однако, все они касаются не отсутствия в Месяцеслове имен святых и не наличия в нем имен неканонизованных подвижников, что было в свое время и для Святейшего Синода и для архиепископа Сергия (Спасского) основной задачей, которую следовало решать и которая в конце концов была решена, а расхождения в днях празднования святых в месяцесловах и в епархиях. Следует отметить, что с тех пор и до настоящего времени дни памяти святых менялись неоднократно.

Не имея возможности дать четкий ответ, можно ли было тогда решить эту задачу, Отдел и не мог дать ответ – приведет ли попытка решить эту проблему к успеху. 9 сентября 1918 г. члены Отдела приняли решение «о необходимости скорейшего издания точного православного Месяцеслова, служб всем святым и лицевых святцев»[20], а также об образовании Специальной комиссии, ходатайствуя об отпуске средств для ее работы и для издания Церковного календаря на 1919 г., «составление которого и издание выразил готовность принять на себя член Собора профессор С.С. Глаголев»[21]. Исходя из знания примененной ранее на практике Святейшим Синодом методики, потребовавшей для решения этой задачи значительного времени, ясно, что ни профессор С.С. Глаголев, ни все вместе взятые члены Специальной комиссии, которую еще только предполагали создать, не могли проделать эту работу, и выраженная ими готовность говорит скорее о том, что они вряд ли осознавали сложность изучаемого предмета и неисполнимость даваемого ими самим себе задания да еще в то время, когда начиналась Гражданская война, совершались убийства священнослужителей и некоторые из архиереев уже были убиты. Естественно, что все эти поручения не были исполнены.

Среди задач Церковного Собора 1917–1918 гг. действительно актуальным было подведение итогов церковной жизни, обозначение того церковного русла, по которому следует двигаться дальше, закрепление всех имеющихся результатов церковной деятельности в определениях Собора, как он это и сделал, восстановив патриаршество и подытожив деятельность Русской Церкви в области агиографии. Подведя итоги почти тысячелетней церковной практики, Собор четко зафиксировал то, как действовала Русская Церковь на протяжении всего периода своего существования, и как ей следует действовать дальше, не разрывая нить преемственности со своими традициями.

Соборный Отдел о богослужении выработал поручение, выглядящее, исходя из того, что мы о той эпохе знаем и чему соборяне были прямыми свидетелями, достаточно странным, – чтобы все архиереи Российской Церкви прислали в том же, 1918 г., списки всех святых, почитаемых в их епархиях[22]. Отдел также просил отдать распоряжение, чтобы ему было доставлено из Синодального архива дело об издании «Верного Месяцеслова», с чего и следовало бы начинать работу Отдела, изучив то, относительно чего Святейшим Синодом уже было принято решение, прежде чем начинать дело почти с нуля, не имея ни объективной возможности осуществить задуманное, ни соответствующей квалификации для анализа сведений, каковая была, пожалуй, только у почившего архиепископа Сергия (Спасского). Собор выяснил, что дело не может быть доставлено в «Отдел в виду затруднительности, по особым обстоятельствам, получения его в настоящее время из Петроградского Синодального архива, в котором оно находится»[23], т.е. революционных беспорядков, уже захвативших крупные города страны, и в особенности столицы.

В 1918 г. состоялись последние канонизации: святителя Софрония Иркутского[24] и священномученика Иосифа Астраханского[25]. На этом канонизации прекратились, что стояло в прямой связи с коренным изменением взаимоотношений Церкви и государства. Церковь в это время не только не имела возможности прославлять подвижников благочестия, но не имела и своего устава. Только после Великой Отечественной войны был принят имевший хоть какую-то правовую основу для существования Церкви в государстве документ – «Положение об управлении Русской Православной Церковью»[26]. Характерно, что канонизация этим документом не предусматривалась.

В 1946 г. к напечатанной службе всем Русским святым был приложен список имен «Русских святых по месяцам». В свое время это издание было по справедливости отмечено, как выдающееся явление в Русской Церкви[27]. Ни одним новым именем он не выходил за пределы «Верного Месяцеслова» 1903 г., за исключением имен тех, кто был канонизован уже после его издания. Недостатком этого издания было то, что в нем не были каким-либо образом отмечены местночтимые святые. Ошибка наборщика превратила всех местночтимых святых Русской Церкви в общецерковных без принятия обязательного, как следует из определения Собора 1917–1918 гг., решения Архиерейского Собора. В таком качестве их имена и публиковались в дальнейшем в месяцесловах Русской Церкви.

В 1956–1958 гг. епископ Афанасий (Сахаров), единственный оставшийся в живых член соборного Отдела, занимавшегося вопросами агиографии, продолжил эту работу как председатель Календарно-богослужебной комиссии при Священном Синоде Русской Православной Церкви, с целью подготовить «исправленный <...> месяцеслов Русских святых, <...> по рассмотрении его и утверждении высшим чином Православной Церкви будет принят в качестве узаконенного месяцеслова, на основании которого имена святых будут вноситься и в месяцеслов православного календаря»[28].

В 1956 г. он писал в Издательский отдел Московской Патриархии: «В отношении Русских святых нам должно руководствоваться “Верным Месяцесловом всех Русских святых”, изданным по благословию Свят[ейшего] Синода в 1903 г.»[\[29\]](#). Епископ Афанасий предлагал в издававшемся тогда Месяцеслове опустить имена трех подвижников, относительно которых Святейший Синод принял такое решение еще в 1904 г., то есть уже после выхода в печать «Верного Месяцеслова». Епископ Афанасий «Верный Месяцеслов» и, соответственно, Православный календарь дополнил именем одного подвижника, по мнению епископа, пропущенным архиепископом Сергием – это святитель Феодор Ростовский. Однако и это нельзя назвать ошибкой, допущенной в «Верном Месяцеслове», так как еще задолго до составления «Верного Месяцеслова» почитание святителя Феодора было прекращено; оно отсутствовало уже в XIX столетии[\[30\]](#); восстановлено оно было, по сведениям епископа Афанасия, при архиепископе Ярославском Тихоне (Белавине)[\[31\]](#), то есть спустя пять лет после издания «Верного Месяцеслова» и кончины архиепископа Сергия. Единственная техническая ошибка в «Верном Месяцеслове», это помещение дважды дня памяти мученика Иоанна с разным именованием его, отчего могло создаваться впечатление, что это два разных святых.

Единственные «неточности» в «Верном Месяцеслове» – это даты памяти некоторых святых, в иных случаях совпадающие с изданными в более позднее время месяцесловами, в иных – нет. Перемещение дней празднования святых – это естественный исторический процесс, связанный, в частности, с обретением или перенесением мощей, или какими-либо важными для епархии церковно-историческими событиями. Таков был научный и церковный уровень этого издания, вряд ли достижимый для кого-нибудь впоследствии. После издания «Верного Месяцеслова» Русская Православная Церковь канонизовала еще пять святых и восстановила церковное почитание благоверной княгини Анны Кашинской.

Это положение сохранялось до конца 1970-х гг., затем ситуация резко изменилась, когда возникла старая, казалось бы изжитая проблема, решенная в свое время Святейшим Синодом изданием в 1903 г. «Верного Месяцеслова», – помещение в печатных сборниках вместе с именами канонизованных святых имен неканонизованных подвижников, исходя из индивидуальных взглядов составителей. Так во 2-й и 3-й тома «Настольной книги священнослужителя», вышедшие в 1978 и 1979 гг.[\[32\]](#), было внесено около 150 имен неканонизованных усопших из издававшихся в XIX в. сборников, что и стало началом последующего хаоса в области агиографии, по самому своему названию предполагающей изучение святых и сразу теряющей свое значение, как науки, вместе с утратой границ между канонизованными святыми, подвижниками благочестия и просто деятелями, подвизавшимися на церковном поприще. В дальнейшем на основании этих книг были составлены списки некоторых епархиальных Соборов, где оказались смешанными имена канонизованных святых с именами неканонизованных усопших.

Впоследствии в список Русских святых к Минее за месяц май, вышедшей в 1987 г.[\[33\]](#), было внесено более 400 имен неканонизованных усопших, известных только по синодикам, по которым служились панихиды, некоторые из них в Русской Церкви никогда не почитались и не могли почитаться, так как в сведениях о их жизни отсутствуют факты, соответствующие критериям канонизации в Русской Церкви. Кроме того, абсолютно точно известно, что в этот промежуток времени, с 1918 по 1987 гг., не было ни Архиерейских Соборов, ни заседаний Священного Синода, на которых были бы приняты решения о канонизации древних русских подвижников. Не принимал в это время и Патриарх решений о канонизации каких-либо подвижников благочестия. Вместе с тем в это время были известны все имена русских святых. Следует заметить, что в какие бы книги и календари не вносили церковные энтузиасты имена такого рода подвижников, они не станут от этого святыми. Мы не знаем посмертной участи и подвижников, и

человека вообще. Но с достаточной точностью можем определить, прославлен ли в Русской Церкви подвижник или нет. Господь прославляет подвижника посмертными чудесами, что нашло отражение в критериях канонизации Русской Церкви. Когда мы обращаемся с молитвой к святому, то надеемся быть услышанными, надеемся на ответ, видя как бы дверь, которая перед нами готова открыться. Но в данном случае, когда человек вопрошает подвижника, имя которого проходит одной строкой в исторической книге или летописи, или старинном сборнике, составленном любителем-книжником, он может попасть в положение человека, который стоит перед глухой стеной, в которой не только нет двери, но она даже и не запланирована. Канонизации святых в Русской Церкви – это явление глубоко духовное. Прежде всего потому, что человек здесь сталкивается с иным, выходящим за земные пределы миром, со святыми, имеющими Богом данную возможность отвечать человеку из мира, где нет ни смерти, ни воздыхания. Зримая фиксация – известными способами и известным законным порядком – этого процесса и есть собственно канонизация. Но в конце XIX столетия ввиду общего духовного обнищания и упадка это глубоко духовное явление стало превращаться в книжную игру, в бездуховное явление – перенесение имен из различных книг в церковный календарь, как якобы святых. В конце XX столетия ввиду предшествующего периода уничтожения носителей церковного предания, этот процесс стал катастрофически ускоряться, а болезнь принимать почти хроническую форму.

Для того, чтобы в настоящее время определить, кто из подвижников благочестия в действительности канонизован, а кто внесен из синодиков и книг, где имена святых смешаны с именами неканонизованных подвижников, нужно точно знать, какие документы в Русской Церкви имеют обязательный канонический характер для решения этого вопроса.

Церковным документом на начало XX столетия, включавшим всех канонизованных к этому времени русских святых, являлся «Верный Месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно», изданный по постановлению Святейшего Синода в 1903 г. В 1904 г Святейший Синод внес последние коррективы, касающиеся имен трех подвижников.

Для последующего периода XX и начала XXI столетия церковными документами, подтверждающими канонизацию, являются: постановления Святейшего Синода, Поместных и Архиерейских Соборов, Священного Синода и Святейшего Патриарха.

Общецерковные канонизации от 1903 г., когда все русские святые были известны поименно, совершались Святейшим Синодом (до 1917 г.), Священным Собором Православной Российской Церкви (1917–1918 гг.), далее Поместными или Архиерейскими Соборами, в обязанности которых входит «*причтение <...> к лику общецерковных святых*»[\[34\]](#) (в формулировке Поместного Собора 1918 г.), «*канонизация святых*»[\[35\]](#) (в формулировке Архиерейского Собора 2013 г.).

К **местному почитанию**, в соответствии с определением Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., «прославление совершается по благословию Святейшим Патриархом со Священным Синодом»[\[36\]](#), а после постановления Священного Синода от 1–2 октября 1993 г. – по благословию Святейшего Патриарха: «После рассмотрения Синодальной комиссией [по канонизации святых] материалов, присланных епархиальным Преосвященным, при наличии достаточных оснований для канонизации, Святейший Патриарх благословляет причислить к лику святых местночтимого подвижника и почитание его в пределах данной епархии, о чем сообщается заинтересованной епархиальной власти»[\[37\]](#). С 1918 г. по 1992 г. не было

проведено ни одного заседания Священного Синода, касающегося канонизации местночтимых святых, следовательно, неоткуда было появиться и новым именам.

Таким образом, документами, подтверждающими канонизацию в соответствии с принятым в Русской Православной Церкви порядком, являются:

опубликованный в 1903 г. по определению Святейшего Синода «Верный Месяцеслов всех Русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно»;

определения Святейшего Синода, касающиеся конкретных канонизаций (1903–1916 гг.);

определения Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., относящиеся к конкретным канонизациям;

решения Святейшего Патриарха и Священного Синода с 1918 г. по 1 октября 1993 г.;

благословение Святейшего Патриарха с 1 октября 1993 г., в соответствии с которым должны быть в наличии следующие документы: рапорт, поданный на имя Святейшего Патриарха, в котором испрашивалось благословение на местную канонизацию конкретного подвижника, а также документ, подтверждающий данное Святейшим Патриархом благословение.

Благословение Святейшего Патриарха на учреждение епархиального Собора с прилагаемым к нему списком имен, где наряду с именами святых даны имена неканонизованных подвижников, не является канонизацией конкретного подвижника, если он не был канонизован в установленном порядке.

Столь же важно в изучении истории канонизации святых Русской Церкви и, в частности, отличия канонизованного святого от почитаемого подвижника наряду с имеющимся (или отсутствующим) решением о канонизации церковной власти, определение критериев канонизации, существующих в Русской Церкви. Нелишне будет отметить, что критерии, на основании которых совершались канонизации в Русской Церкви, были на всем протяжении ее истории единообразны.

Для канонизации подвижника были необходимы следующие условия: свидетельства о благочестивой жизни, народном почитании и чудотворениях.

Одни сведения о благочестивой жизни подвижника никогда не были достаточны для церковного прославления, так как все они, будучи свидетельствами человеческими, носили субъективный характер и никогда не могли охватить всей жизни подвижника. Кроме того, имеются прославленные Церковью святые, такие как князья-страстотерпцы Борис и Глеб или святой праведный Артемий Веркольский, о благочестии жизни которых мы почти ничего не знаем. Также и народное почитание само по себе никогда не было достаточным для церковного прославления, так как было немало случаев почитания народом ложных подвижников.

В случаях, когда имелись сведения о благочестивой жизни и народное почитание, это не было достаточным для церковного прославления подвижника, если не было свидетельств о чудесах. Причем, чудеса главным образом разумелись не те, что совершились при жизни подвижника, а те, что совершились после его кончины. По существу основным и главным критерием, в соответствии с которым совершалось церковное прославление подвижника в

Русской Церкви, были чудотворения. Необходимые для церковного прославления подвижника чудеса рассматривались как с точки зрения их убедительности, так и относительно их множественности. С точки зрения убедительности чудес рассматривались серьезность болезни и засвидетельствованная невозможность исцеления с помощью врачей или каких-либо земных средств. Относительно числа таких бесспорных чудес имелось в виду то, что они не должны были быть единичными.

Первые же прославленные Русской Церковью святые – князья-страстотерпцы Борис и Глеб – показывают с совершенной ясностью характер и причину их прославления. После смерти святого князя Владимира, власть захватил Святополк, один из его сыновей, находившийся на тот момент в Киеве. Спустя немного времени Святополк убил претендентов на княжеский престол – братьев Бориса, Глеба, и Святослава. Однако, Русской Церковью были прославлены только двое князей, Борис и Глеб, по той причине, что относительно третьего князя, Святослава, не было никаких сведений, чтобы с его именем были связаны чудотворения.

Некоторые исследователи, размышляя над обстоятельствами смерти князей, пытались делать политические выводы или вывести на примере их смерти нравственное назидание. Политические – обязанность послушания старшему брату, нравственные, когда святость подвига обнаруживается в непротивлении злу^[38], делая вывод, будто «подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа»^[39]. Но ни то, ни другое, естественно, не соответствует действительности.

Исследователи отмечают отсутствие в страданиях и смерти князей исповедничества, смерти за веру Христову, отсутствие в обстоятельствах их смерти агиографических образцов^[40]. Греческие митрополиты, совершившие эту первую на Руси канонизацию, прекрасно понимали, что образ смерти князей не соответствует каноническим образцам, утвердившимся во Вселенской Церкви. Насильственную смерть князей невозможно рассматривать как форму христианского подвига, который в данном случае является всего лишь формой принятия смерти. На примере первых прославленных Русской Церковью святых мы определенно видим, что в их случае не действительно положение о благочестивой жизни, так как такие факты неизвестны, нет исповедания веры, и их смерть никоим образом нельзя назвать смертью за веру Христову, нет и народного почитания. В этой первой канонизации есть очевидное указание, что и последующие прославления святых в Русской Церкви не есть человеческое измышление, преследование через прославление политических или даже воспитательных целей, за некоторыми может быть единичными случаями, но некая объективная реальность, проявляющаяся через чудо; тем самым отмечается какая бы то ни было возможность для человеческого произвола. Таким образом, первое и по существу главное основание канонизации святых в Русской Церкви – было чудо, т.е. прямое Божие вмешательство в процесс канонизации святого.

Первенствующее значение чуда для церковного прославления святого носило объективный характер. Хотя благочестивая жизнь подвижника и имеет значение при его прославлении, однако, в оценке жизни подвижника всегда присутствует элемент субъективности так же, как и в оценке его духовных качеств и добродетелей, поэтому требовались независимые, объективные факты, каковыми были чудотворения, удостоверенные свидетелями и подтвержденные церковным расследованием. Внутренней духовной жизни подвижника, по определению, не может знать никто из людей кроме самого человека и Бога, и тем более ее никто не может проследить в течение всей жизни подвижника и до последней минуты.

В соответствии с существовавшими в Русской Православной Церкви в течение тысячи лет критериями, Священный Собор Православной Российской Церкви 3 сентября 1918 г. принял соответствующее определение, зафиксировав это положение и поставив предел в возможности по-иному решать этот вопрос. «Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых, – определила Высшая Церковная власть, – необходимо, чтобы *богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его*»[\[41\]](#). Таким образом, богоугодная жизнь подвижника свидетельствуется не только и даже не столько современниками подвижника, сколько посмертными чудотворениями, которые и являются свидетельством праведности его жизни. Сам по себе духовный подвиг и прижизненные чудеса, совершавшиеся по молитвам подвижника, не являются достаточными для его канонизации.

Эти выводы Русской Церкви полностью согласуются с суждением святых отцов, когда они говорят, что высокая духовная жизнь и прижизненные чудеса не могут быть окончательным свидетельством святости подвижника.

«Видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся участниками Духа, и, не достигнув совершенной любви, они падали, – говорит преподобный Макарий Египетский. – Некто, человек благородный, отрекшись от мира, продал имение свое, дал свободу рабам; и как благоразумный и смысленный прославился уже честною жизнью, и между тем, предавшись самомнению и надменности, впал, наконец, в распутство и в тысячи зол. <...> Другой, во время гонения, предал тело свое и, быв исповедником, впоследствии, по наступлении мира, освобожден и был в уважении: у него повреждены были вежди от того, что его томили в сильном дыму. И он прославляемый <...> пришел в такое состояние, как будто бы никогда не слышал он Божия слова. Другой предал на мучение тело свое во время гонения, был повешен и строган, потом ввергнут в темницу. Ему по вере прислуживала одна инокиня, и, сблизившись с нею, пока был в темнице, впал он в блуд. <...> Другой некто благоразумный подвижник, живя со мною в одном доме и молясь вместе со мною, так богат был благодатью, что, молясь подле меня, приходил в умиление, потому что кипела в нем благодать. Ему дано было дарование исцелений; и не только изгонял бесов, но и связанных по рукам и ногам, имевших жестокие болезни, исцелял возложением рук. Потом, вознерадев, прославляемый миром, и услаждаясь сам собою, возгордился он и впал в самую глубину греха. Смотри же и имеющий дар исцеления пал»[\[42\]](#).

Насколько факты чудотворений являлись первоосновными для канонизации в Русской Церкви сравнительно даже со свидетельствами о праведности жизни подвижника и нетленности останков, свидетельствуют множество примеров. 27 августа 1479 г. во время перенесения останков в новопостроенный Успенский собор было обнаружено тело митрополита Филиппа I, почти не подвергшееся тлению. Оно было выставлено открыто и в ожидании чудес в течение 12 дней не было погребено. Однако, чудотворений не последовало, и, несмотря на нетление, оно было погребено, и вопрос о канонизации митрополита был закрыт[\[43\]](#), так как «чудеса были необходимым условием для прославления святого»[\[44\]](#).

В связи с таким значением чудес, без наличия которых невозможно было прославление, обязательным условием предполагавшейся канонизации было исследование случаев исцелений, для удостоверения их подлинности, а также то, что они не должны быть единичными.

Преподобный Иосиф Волоцкий, скончавшийся в 1515 г., об известности которого и роли в Русской Церкви говорить не приходится, был прославлен как местночтимый святой в

1578 г. по факту чудотворений. Вторично это местное прославление было подтверждено в 1589 г., когда предполагалось причислить его к лику общецерковных святых. Однако, чудеса были сочтены недостаточными по числу, чтобы канонизовать его для общецерковного почитания, так как это выдвигалось главным условием для такого прославления. Как общецерковный святой он был прославлен в 1591 г. [45].

Порядок прославления святых нашел свое отражение в документах при канонизации преподобного Германа Соловецкого. Как обязательное условие канонизации было проведение церковного следствия для проверки чудес на месте. Отвечая согласием на просьбу братии праздновать в монастыре память преподобного Германа архиепископ Холмогорский Афанасий пишет братии, что «этого нельзя сделать без воли великих государей с патриархом и без свидетельства, “не яко уничижая его (Германа) преподобство, но храня целость святыя Церкви догматов, яко издревле во святей православной вере нашей обыкоша о святых Божиих угодниках предлагатися прежде о житии и чудесах их свидетельства достоверные, по свидетельству же со благоволения общего православных монархов и архипастырского составляются им службы и каноны и тако устроятся праздновати, без свидетельства же и без благословения государского и святейшего патриарха никакоже сие состоятися и прочно быть не может”» [46].

После известий о начавших совершаться чудесах в храме, где был погребен под спудом святитель Димитрий, митрополит Ростовский, скончавшийся в 1709 г., спустя почти 50 лет, в 1757 г. в Ростов была направлена Святейшим Синодом комиссия, которая провела тщательное расследование относительно совершившихся на могиле чудес. Были опрошены сами исцеленные, кто от какой болезни был исцелен, сколько времени болел, и насколько болезнь была тяжелой. И только после того, как такие свидетельства были собраны в достаточном количестве и засвидетельствовано, что слепые видят, болевшие тяжелыми и неизлечимыми болезнями исцелились, состоялась канонизация святителя.

При канонизации Иннокентия, епископа Иркутского, скончавшегося в 1731 г. и канонизованного в 1804 г., было зафиксировано 85 случаев чудесных исцелений.

При канонизациях самым тщательным образом собирались свидетельства о чудотворениях и исследовалось, насколько они достоверны, для чего создавались специальные комиссии. Например, при исследованиях, предварявших канонизацию святителя Питирима Тамбовского (1913 г.), была создана в соответствии с указом Святейшего Синода комиссия, которая должна была произвести «тщательное исследование случаев чудотворений, совершившихся по молитвенному пред Богом предстательству святителя Питирима» [47]; перед ней стояла задача опросить и собрать письменные показания как лиц, получивших исцеления, так и лиц, бывших очевидцами этих исцелений. Всего было произведено исследование 56 случаев исцелений, из них, однако, только 34 оказались «подкреплены на следствии вполне убедительными доказательствами» [48].

В начале XX столетия при подготовке к канонизации и исследованиях случаев исцелений принимали участие врачи. Удостоверение чудес, совершившихся по молитвам к Патриарху Ермогену (1913 г.), происходило по показаниям свидетелей и заявлениям врачей [49].

При причислении к лику святых на Священном Соборе Православной Российской Церкви в 1918 г. святителя Софрония Иркутского в таком обследовании и экспертизе также принимали участие врачи. Причем, особое внимание было уделено случаям неизлечимых заболеваний, когда «и диагноз и тяжесть их удостоверены врачами, а выздоровление –

вопреки полученным предположениям – следовало непосредственно за молитвенным обращением к святителю»[\[50\]](#).

Особым значением для исследования критериев канонизации в Русской Церкви является исследование по существу частного вопроса – какими были основания канонизации в Русской Церкви для мучеников. Следует заметить, что в истории Русской Церкви не было периода гонений на Церковь и жесткого противостояния государства Церкви, как это мы видим в Древней Церкви в Римской империи и как это было впоследствии в советский период, когда в связи с гонениями от государства появился феномен мученичества, и для многих людей возникла необходимость отстаивать свои религиозные воззрения, свою веру, свое право жить в соответствии с убеждениями – вплоть до тюремного заключения и мученичества. За весь предшествующий исторический период, вплоть до 1917 г., в Русской Церкви было прославлено чуть более 20 святых, претерпевших мученическую кончину. Половина из них пострадали еще в домонгольский период; условием канонизации их были совершавшиеся по их молитвам чудотворения.

Таким образом, учитывая, что канонизация мучеников в Древней Русской Церкви совершалась не по факту их мученического подвига и исповедания веры, а по имеющимся чудотворениям, опыт канонизации в Русской Церкви мучеников мало что может дать при канонизации новомучеников XX столетия. Значительно больше может дать опыт канонизации в Древней Церкви в Римской империи. Однако и здесь есть существенная разница. В Древней Церкви сам факт исповедания христианской веры расценивался, как государственное преступление, и мог привести исповедника к мученической кончине, тогда как в XX столетии вопрос об исповедании веры, если и задавался, то чаще всего устно, и не заносился в письменный протокол. Анализ подвига древних мучеников может дать только основные черты, касающиеся критериев мученичества и церковных подходов, существовавших в то время относительно прославления мучеников. Советский Союз не имел никакого сходства с Римской империей, так же, как и обстоятельства жизни в них христиан, в одном случае – приходящих ко Христу из язычества, в другом случае – бывших христианами по рождению. Поэтому основная нагрузка при изучении подвига новомучеников падает в этом случае на детальное изучение социальной, политической, идеологической составляющих, в совокупности и являвшимися теми обстоятельствами, в которых совершали свой подвиг новомученики, что потребовало новых методологических подходов.

Примечания:

[\[a\]](#) Причина этой разницы была том, что архиепископ Сергей имел к этому времени информацию от епархиальных архиереев, кто в действительности канонизован, каковой не было на то время у Голубинского.

[\[b\]](#) Исследователь истории канонизации русских святых В. Васильев в опубликованной им в 1893 г. работе отмечал, что в свое время архиепископ Черниговский Филарет обещал проверить «Описание о российских святых», послужившее ему основным пособием для определения – канонизован ли подвижник или нет, и предоставить акты о канонизации, но не выполнил своего обещания, т.к. никаких актов не обнаружил (*Васильев В. История канонизации Русских святых. М., 1893. С. 12*). Еще раньше, в 1856 г., митрополит Московский Филарет писал в Святейший Синод относительно предполагаемого проекта этих житий. «Немало нужно осмотрительности, чтобы составить правильный список

святых и отделить чистые источники жизнеописаний от смешанных; потому что кроме святых, общепризнанных по древнему преданию и по определению церковному, есть местно чтимые, по преданиям неопределенным и не получившим правильного церковного утверждения», т.е. неканонизованные подвижники, по которым совершались панихиды или ничего не совершалось (Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. 4. С. 139). Архиепископ не внял этому предупреждению и, не особо ориентируясь в сути вопроса, смешал святых с неканонизованными подвижниками, выдав их за святых и введя своих читателей в заблуждение. Пример того, как иногда благое намерение приводит к духовно разорительным последствиям.

[c] Имеется в виду книга Е. Поселянина «Русские подвижники XIX века».

[d] Архиепископ Сергей (в миру Иван Александрович Спасский; 1830–1904). Окончил Киевскую Духовную академию. В 1858 г. был пострижен в монашество с именем Сергей, рукоположен во иеромонаха. В 1861 г. – возведен в сан архимандрита; занимался научной деятельностью. В 1882 г. хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии, 1885 г. – назначен епископом Могилевским. В 1886 г. ему было поручено Святейшим Синодом сделать тщательный пересмотр, дополнение и исправление «Месяцеслова всех святых, празднуемых Православной Греко-Восточной Церковью, издаваемого Синодальной типографией с благословения Святейшего Синода». В 1888 г. ему было поручено сделать пересмотр Лицевых Святцев, издаваемых Синодальной типографией. В 1889 г. – рассмотреть и исправить Христианский месяцеслов с краткими историческими сказаниями о всех святых, издаваемый Московской Синодальной типографией, а также дополнительных статей Полного христианского месяцеслова Киевского, и в следующем 1890 г. – рассмотрение печатных листов исправленного им в 1886 г. Месяцеслова. Месяцеслов этот был издан в количестве 50 000 экземпляров. В 1892 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Владимирским и Суздальским. В 1903 г., опираясь на донесения всех правящих архиереев Русской Церкви, подготовил «Верный месяцеслов», изданный по благословию Святейшего Синода тиражом 50 000 экземпляров.

[e] Этот Отдел занимался вопросами агиографии и выработал принятое Собором определение «О порядке прославления святых к местному почитанию», принятое Собором единогласно.

[1] Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 15.

[2] Там же. С. 109.

[3] Архиепископ Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1. С. 607–610.

[4] Васильев В. История канонизации Русских святых. М., 1893. С. 250–251.

[5] Верный Месяцеслов всех Русских святых чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М., 1903; Собрание писем святителя

- Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и песнописца. М., 2001. С. 483–484.
- [6] *Васильев В.* История канонизации Русских святых. М., 1893. С. 244–245.
- [7] Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. 1832-1867. Киев, 1869. С. 29.
- [8] *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 532.
- [9] Верный Месяцеслов всех Русских святых чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М., 1903. С. 55–56.
- [10] *Архиепископ Сергей (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. I. Восточная агиология. 732 с.; Т. II. Святой Восток. Ч. 1. 398 с.; Т. III. Святой Восток. Ч. 2–3. 700 с.
- [11] РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2497. Л. 8, 10–11.
- [12] РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2497. Л. 18; *Руди Т.Р.* Из истории русской агиологии начала XX в.: издание «Верного месяцеслова всех Русских святых» // «Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации». СПб., 2011. Т. II. С. 316.
- [13] *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 139.
- [14] *Руди Т.Р.* Из истории русской агиологии начала XX в.: издание «Верного месяцеслова всех Русских святых» // «Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации». СПб., 2011. Т. II. С. 311.
- [15] Там же. С. 317–318.
- [16] РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2497. Л. 59.
- [17] Верный Месяцеслов всех Русских святых чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М., 1903. С. 57.
- [18] Богословские труды. 1988. № 34. С. 357–358.
- [19] Там же. С. 359.
- [20] Там же. С. 362–363.
- [21] Там же. С. 363.
- [22] РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 16. Л. 196.
- [23] Там же. Л. 197.
- [24] Там же. Д. 15. Л. 283–288.

- [25] Там же. Л. 258–264.
- [26] Положение об управлении Русской Православной Церковью. М., 1945.
- [27] Журнал Московской Патриархии. 1946. № 4. С. 80.
- [28] Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского // Сост. О.В. Косик. М., 2000. С. 515–516.
- [29] Русское православие XX века. Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и песнописца. М., 2001. С. 483.
- [30] РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2497. Л. 217.
- [31] Русское православие XX века. Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и песнописца. М., 2001. С. 484.
- [32] Настольная книга священнослужителя. Т. 2. М., 1978; Т. 3. М., 1979.
- [33] Минея. Май. М., 1987.
- [34] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск четвертый. М., 1918. С. 26.
- [35] Устав Русской Православной Церкви. Глава III, статья 5, пункт д.
- [36] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск четвертый. М., 1918. С. 25.
- [37] Собрание документов Русской Православной Церкви. Том II. Часть I. М., 2014. С. 35.
- [38] Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 50.
- [39] Там же. С. 49.
- [40] Там же.
- [41] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск четвертый. М., 1918. С. 25.
- [42] Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Перевод с греческого. Изд.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1994. Беседа 27.
- [43] Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 301–302.
- [44] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1998. С. 423.
- [45] Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 115–116.
- [46] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1998. С. 424.

[47] РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 262. Л. 8.

[48] Там же. Л. 8 об.

[49] Патриарх Ермоген. М., 1997. С. 228.

[50] РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 36. Л.71 об.